

Аватков В.А.¹, Сбитнева А.И.²**Турция в современном мире:
между демократией и авторитаризмом**

Аннотация. В статье рассматривается эволюция демократических процессов в Турецкой Республике. Авторы анализируют развитие турецкой демократии, которая в процессе своего становления претерпела значительные изменения. После смерти М.К. Ататюрка, проводившего курс на вестернизацию турецкого общества, Турция начала переход от нелиберальной модели демократии к классической западной, что выразилось во встраивании Турецкой Республики в западные институты и формировании аналогичных на ее территории. Демократические процессы при этом нередко сочетались с недемократическими. К примеру, гражданские власти начали оттеснять от участия в политических процессах военных, исторически стоявших на страже светского характера государства. Приход к власти Партии справедливости и развития, а затем и Р.Т. Эрдогана укрепил тенденцию к централизации власти в стране, складыванию здесь лидероцентричной системы и планомерной исламизации и консерватизации политики.

¹ *Аватков Владимир Алексеевич* – доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и постсоветского Востока, ИНИОН РАН (v.avatkov@gmail.com).

² *Сбитнева Алина Игоревна* – научный сотрудник, ИНИОН РАН (a_sbitneva@mail.ru).

Основываясь на данных турецких и международных исследований, авторы приходят к выводу, что демократия как таковая является «расплывчатым» понятием, а современная Турецкая Республика занимает промежуточное положение между несовершенной демократией и авторитарным государством. Попытка демократизации общественно-политических процессов в Турции привела к обратному результату: после того как страна трансформировала ключевые «демократические» институты под собственные нужды, здесь сложилась исламистско-консервативная модель «демократии», идеалы которой разделяет лишь наиболее религиозная и националистически настроенная часть турецкого общества.

Ключевые слова: Турция, Партия справедливости и развития, Р.Т. Эрдоган, демократия, консерватизация, исламизм, авторитаризм.

Турция «познакомилась» с демократией практически сразу после образования республики. Поскольку кемализм – идеология М.К. Ататюрка, провозглашенная на заре республиканской эпохи, но так и не получившая официального отражения в Конституции страны, – предполагал частичную «вестернизацию» турецкого общества, Турция постепенно стала приобретать черты демократического государства. Вместе с тем на раннем этапе существования Турецкой Республики была принята нелиберальная модель демократии.

В стране был официально провозглашен секуляризм, что означало отделение религии от государства и свободу вероисповедания граждан. Женщины получили беспрецедентные права: в 1930 г. – право участвовать в выборах, а к 1934 г. – право голосовать [История Востока, 2006, с. 141]. После смерти первого президента Турецкой Республики М.К. Ататюрка страна стала еще активнее встраиваться в рамки классической западной модели демократии. Так, например, важной вехой в истории турецкой демократизации стал переход к многопартийности в 1946 г., произошедший после основания Демократической партии, составившей конкуренцию единственной на тот момент политической силе страны – Народно-республиканской партии.

Однако демократические перемены в Турции тесно переплетались с процессами, имевшими недемократический характер

или маскировавшимися под «демократические», но не являвшимися таковыми в действительности. В период с 1960 по 1997 г. Турция пережила четыре военных переворота, целью которых были именно демократические реформы и ослабление вертикали власти. С момента основания Турецкой Республики военные охраняли страну от проникновения ислама в ее политику и от политизации религии в целом. С одной стороны, военные путчи обеспечивали государству соответствующую демократическим канонам сменяемость власти и светскость, но, с другой стороны, они представляли собой недемократический способ свержения власти и в значительной степени ограничивали свободу других демократических институтов, не всегда угодных власти, в частности профсоюзов [История военных ..., 2016].

Вместе с тем политическая система Турции всегда тяготела к тому, чтобы замкнуться на конкретном лидере, находящемся выше любых демократических институтов. Подобная лидероцентричность в целом свойственна государствам Востока, и Турецкая Республика может служить наглядным примером этой особенности восточных политических систем. Именно концентрацией процессов политической власти на одной руководящей персоне объясняется, в частности, феномен недолгой активности ряда политических партий Турции, которые, как правило, уходят с политической сцены вместе со своим лидером.

Так, например, М.К. Ататюрк и поныне именуется отцом-основателем Турецкой Республики и считается ее главным символом. Основанная им Народно-республиканская партия – одна из немногих политических сил давно ушедшей эпохи, которая до сих пор продолжает функционировать (нынешний лидер партии – К. Кылычдароглу), – считает М.К. Ататюрка своим «вечным» лидером и идейным вдохновителем. Аналогичным образом бессменным «вождем» Партии националистического движения (нынешний лидер – Д. Бахчели) остается ее основатель А. Тюркеш, ушедший из жизни в 1997 г. Нынешний президент страны Р.Т. Эрдоган также стремится сконцентрировать на себе все процессы политической власти в рамках правящей Партии справедливости и развития (ПСР) и вписать свое имя в число наиболее значимых

личностей Турции. В 2017 г., после принятия конституционных поправок, он вернул себе статус главы партии (в соответствии с прежней редакцией законодательства президент должен был быть беспартийным). В связи с этим (и особенно – по мере приближения всеобщих выборов в Турции в 2023 г.) некоторые наблюдатели задаются вопросом, сможет ли «эрдоганоориентированная» ПСР удержаться на политической арене в случае ухода Р.Т. Эрдогана из политики.

В 1980–1990 гг. «демократизация» Турции ускорилась в связи с принятием западоцентричного внешнеполитического курса и провозглашением амбициозной цели вступить в Европейский союз. Заявку на вступление Анкара подала еще в 1987 г., но статус кандидата получила лишь в 1999 г. Однако членом ЕС Анкара до сих пор не стала. Одним из препятствий на пути Турции в Евро-союз стала ее «недемократическая» политика по отношению к национальным меньшинствам, в частности курдам. Положение курдского населения, стремящегося к автономии и расширению своих прав, в Турции издавна является предметом широких дискуссий. Отдельной темой для обсуждения остается статья в Конституции Турецкой Республики, в соответствии с которой все граждане страны являются турками [Türkiye Cumhuriyeti ..., 1982].

В начале 2000-х годов пришедшая к власти Партия справедливости и развития выступила за дальнейшее углубление прогрессивных изменений. Вскоре после этого под давлением ЕС в Турецкой Республике был принят пакет реформ, нацеленных на частичное решение так называемого «курдского вопроса». Реформы предполагали предоставление курдам возможности использования курдского языка, отмену смертной казни за сепаратизм, а также внесение изменений в антитеррористическое законодательство. В 2009 г. правительство Р.Т. Эрдогана запустило политику «демократического прорыва», в рамках которой предполагалось разрешить проводить в школах уроки на курдском языке, а также вернуть в Конституцию и пересмотреть понятие «турецкое гражданство» [Altındağ, 2020, s. 42].

В 2012 г. в Турции была создана Демократическая партия народов (ДПН), отстаивавшая права национальных, религиозных

и прочих меньшинств (прежде всего курдов), но в целом демократический процесс в стране во многом оставался «фиктивным». Лидер ДПН С. Демирташ (курд по происхождению) был арестован по обвинению в причастности к деятельности Рабочей партии Курдистана (РПК), которая в Турции считается террористической организацией. При этом сама ДПН стала «нежелательной» организацией для турецких властей. Но несмотря на это, она впоследствии не раз получала небольшое количество мест в турецком парламенте, что, в свою очередь, считалось примером «справедливого» представительства политических сил в законодательных органах и позитивным образом сказывалось на формировании «демократического» образа Турции.

Тем временем на внешнеполитическом треке с момента начала «арабской весны» и гражданской войны в Сирии Турецкая Республика, желая заслужить благосклонность западного сообщества, начала продвигать в ряде арабских государств Ближнего Востока турецкую модель демократизации на примере собственных социально-политических реформ. Однако последующие события, в частности охлаждение отношений Турции с «коллективным Западом» и ее планомерный «разворот на Восток», изменили внутри- и внешнеполитическую картину.

Современная Турция по-прежнему позиционирует себя как одно из самых демократических государств мира. Как заявил Р.Т. Эрдоган, «благодаря осуществляемым нами (Турцией. – *Авт.*) революциям в области демократии и развития Турция вошла в высшую мировую лигу [Cumhurbaşkanı Erdoğan ..., 2022]». Однако международные исследования говорят об обратном. Турецкая модель демократии претерпела значительные изменения и во многом утратила светскость и либерализм, свойственные западным моделям.

Об этом, в частности, свидетельствуют результаты докладов исследовательского подразделения британской компании «The Economist Group» по индексу демократии в разных государствах мира. В соответствии с ними в 2006 г., когда подобное исследование проводилось впервые, Турция набрала 5,70 балла (из 10 возможных) и была близка к переходу из категории «гибридный режим»

в категорию «несовершенная демократия». В 2012 г. уровень турецкой «демократичности» повысился до 5,76 баллов – наивысший результат за всю историю исследований. Однако с 2013 г. показатели неуклонно снижаются [Democracy index ..., 2022] (рис.).

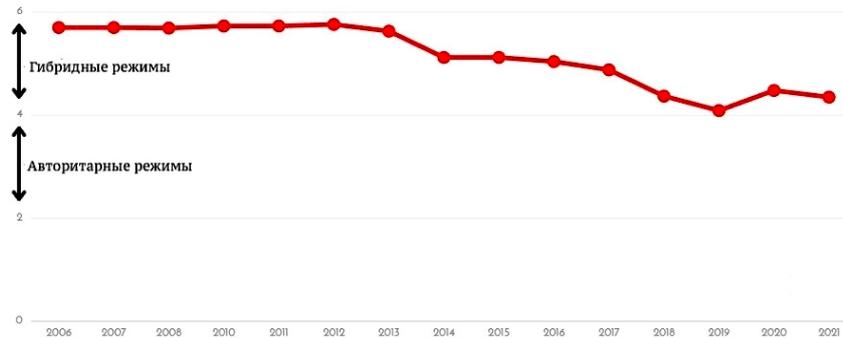

Рис. Турция: индекс демократии

Источник: [Alp, 2021].

Так, по состоянию на 2021 г. Турция находилась в диапазоне государств с «гибридным режимом», тяготеющим к авторитарному, и занимала 103-е место в общем рейтинге демократии, включающем в себя 167 стран мира. В 2020 г. индекс демократии в Турции, по версии западных исследователей, составил 4,48 балла, а в 2021 г. опустился до 4,35. Исследователи объясняют подобные результаты авторитаризмом президента Р.Т. Эрдогана, а также общим ослаблением доверия населения к правительству, в том числе из-за роста цен, высокой инфляции и ошибочной экономической политики в целом. Среди причин также указывается широко распространенная коррупция [Alp, 2021].

Интересно, что схожее мнение высказывается и в докладах турецких экспертных центров. Так, например, Институт Анкары (*тур.* Ankara Enstitüsü) и Стамбульский центр политики (*тур.* İstanbul Politikalar Merkezi) в своем исследовании «Восприятие демократии, безопасности и государства в Турции» отмечают усиление социальной и политической поляризации в стране и переход к авторитарной политике. При опросе случайно выбранных респондентов, которых просили дать оценку турецкой демократии по

шкале от 0 до 10 (где 10 – полностью демократическая система, а 0 – авторитарная), средний показатель по Турции составил 4,4, что практически совпадает с результатами описанного выше зарубежного исследования [Balta, Ete, 2022, s. 5–6].

Итоги опроса, проведенного в декабре 2021 г., свидетельствуют, что группы идентичностей, близкие к правящей элите, вполне довольны демократическим процессом в Турции; оппозиционные группы, напротив, демонстрируют низкую степень удовлетворения. Примечательно, что 78% опрошенных при этом не согласны с утверждением, что «решить проблемы в Турции может только военный режим», и лишь 45,7% участников считают, что «Турции подходят демократические правила западных стран». Значительная часть респондентов, а именно 39%, также не согласна с тезисом о том, что «все демократические правила западных стран должны применяться и в Турции» [Ibid.].

Таким образом, запрос на формирование собственной модели демократии «с турецкой спецификой» отчетливо прослеживается не только во властных и экспертных кругах страны, но и среди простых граждан. Проблема Турции, как и многих других государств современного мира, состоит в том, что социокультурная и этническая разнородность страны не позволяет найти идеальную модель и удовлетворить запросы всех социальных страт, из чего можно сделать вывод, что такой модели в принципе не существует.

Данную гипотезу подтверждают в том числе результаты аналогичного опроса, проведенного в 2011 г., когда Турция еще активно встраивалась в западные либерально-демократические концепции. Тогда респонденты в среднем оценивали турецкую демократию в 5 баллов (по шкале от 0 до 10), что означало промежуточное положение Турецкой Республики между демократией и авторитаризмом [Kemahlioğlu, Keuman, 2011, s. 5–6].

Стоит отметить, что на переход Турции к новому – парадоксальному – типу «демократизации» через отмирание демократических институтов во многом повлиял приход к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития, а затем и Р.Т. Эрдогана. ПСР выросла из нескольких влиятельных исламистских партий (Пар-

тии благоденствия и Партии добродетели), прекративших свою деятельность в конце XX в. на основании решения суда из-за проводимой этими партиями политики. Действующий президент страны Р.Т. Эрдоган – бывший член Партии благоденствия – на заре своей карьеры несколько раз становился фигурантом уголовных дел за нарушение принципа светскости (в 1999 г. его даже приговорили к тюремному сроку за скандирование стихов исламистского содержания).

Заняв властные позиции, ПСР, позиционирующая себя в качестве умеренно-исламистской партии, учла опыт предшественников и, снизив публичную риторику о необходимости укрепления ислама в политике, заговорила о значимости проведения внутренних демократических преобразований в русле западочентричного внешнеполитического курса. В действительности же проводившиеся изменения были зачастую весьма противоречивы: например, в 2008 г., когда Р.Т. Эрдоган находился на посту премьер-министра, была принята поправка в Основной закон страны, отменяющая запрет на ношение хиджаба.

Такого рода демократические дозволения порождали новые проблемы: возрастала вероятность планомерной исламизации социума и укрепления позиций религиозных кругов населения и политической элиты, что, в свою очередь, затрагивало интересы светской части общества. Примечательно, что, несмотря на последующую отмену поправки Конституционным судом Турции, позднее запрет на ношение религиозных одежд все же был упразднен, в том числе в государственных и общеобразовательных учреждениях. Спровоцированный общественный резонанс и продолжающуюся по сей день дискуссию по этой теме президент Р.Т. Эрдоган в 2022 г. предложил урегулировать «демократическим» путем – вынесением вопроса на общенациональный референдум [Эрдоган предложил ..., 2022].

Одной из сил, неизменно выступавших против исламизации, в Турции традиционно были военные; и тем более показательно, что в рамках проводившейся «демократизации» против них было возбуждено множество уголовных дел. Наиболее известным стало так называемое дело «Кувалды» (*тур. Balıoz*) о подготовке военно-

го переворота с целью свержения власти [Türk dış ..., 2013, s. 733]. В ходе судебного процесса были допущены многочисленные нарушения. В результате в 2012 г. более 300 человек были приговорены к различным тюремным срокам [«Кувалда» сломалась ..., 2012]. Как ни парадоксально, западные демократии также требовали от Турции, чтобы военные были отстранены от участия в политике, несмотря на то что турецкие военнослужащие исторически являлись гарантом светскости в стране, ориентировались на Запад и всегда косвенным образом находились у власти, в отличие, например, от египетских военных, установивших в Египте военную диктатуру в 2013 г.

Военные были окончательно отстранены от власти в Турции после попытки государственного переворота в июле 2016 г. После этих событий по стране прокатилась волна массовых «чисток», и первыми под удар попали военнослужащие, утратившие доверие официальной власти. В настоящее время 15 июля – день подавления путчистов – отмечается в Турции как ежегодный День демократии и национального единства.

Стоит отметить, что, помимо военных, после попытки переворота были арестованы также многие члены ФЕТÖ – движения, считающегося в Турции террористическим и аффилированного с имамом и общественным деятелем Ф. Гюленом, который проживает на территории США. Ф. Гюлен – бывший сподвижник Р.Т. Эрдогана, в 2013 г. обвиненный в попытке узурпации власти, – формально не имеет отношения к политическому процессу, но связанные с ним структуры являются активными проводниками протурецкой «мягкой» силы. Примечательно, что, хотя многие из них, в частности газета «Zaman», запрещены на территории Турецкой Республики, они продолжают действовать в ряде государств мира, в том числе на пространстве СНГ.

Борьба с ФЕТÖ шла под предлогом освобождения общества от «нежелательных» структур и опасных движений, но в реальности превратилась в «охоту на ведьм»: поскольку причастность к сетцентричной структуре формально было невозможно доказать, сторонниками Ф. Гюлена стали считаться все, кто не поддерживал Р.Т. Эрдогана.

Парадоксальный процесс формирования «демократии с турецкой спецификой» не мог не затронуть также средства массовой информации и социальные сети. Первой под удар попала социальная сеть Twitter, которой было предъявлено обвинение в публикации государственных тайн. Twitter был официально запрещен на территории Турецкой Республики в 2014 г., однако позднее Конституционный суд Турции отменил решение о запрете как нарушающее права пользователей. Р.Т. Эрдоган, находившийся тогда на посту премьер-министра, раскритиковал решение Конституционного суда, заявив, что «не уважает» его [Эрдоган раскритиковал ..., 2014]. В 2021 г., уже будучи президентом, он назвал все соцсети «одной из основных угроз демократии» [Эрдоган назвал ..., 2021].

Схожий инцидент произошел в 2016 г., когда Конституционный суд постановил освободить журналистов издания «Cumhuriyet», арестованных за придание огласке данных об отправке турецкими властями оружия в Сирию. Арест журналистов спровоцировал широкую дискуссию о свободе слова в стране; при этом Р.Т. Эрдоган, в то время уже являвшийся президентом Турции, подверг критике решение Конституционного суда.

Приведенные факты свидетельствуют о нарастании противоречий между тремя ветвями власти Турецкой Республики, которые во второй половине XX в. еще были в достаточной степени независимыми, но сегодня фактически находятся под влиянием президента и приближенных к нему лиц. Например, отмена запрета на использование сети Twitter не означает, что государство утратило контроль над размещаемыми там публикациями. Прокуратура Турции все чаще возбуждает дела об оскорблении президента, получающие широкий резонанс не только на территории страны, но и за ее пределами. Так, в 2016 г. суд в Анталье приговорил к году условного тюремного заключения гражданина Р. Четина, который еще в 2014 г. в соцсети Facebook сравнил лидера государства Р.Т. Эрдогана с Голлумом, малоприятным персонажем романа «Властелин колец». Британская газета «The Guardian», освещая этот инцидент, отметила, что обвинение с аналогичной формулировкой – «за оскорбление президента» (что в соответст-

вии с турецким законодательством карается сроком до четырех лет) – в Турции получили более 1800 человек [Man who depicted ..., 2016].

Проблемы сохраняются и в вопросе свободы печати. Большинство современных турецких газет выступают с более-менее идентичных позиций, что отражает тенденцию к сокращению плюрализма мнений. Отсутствует и четкое разграничение взглядов по типу «исламизм – светскость», свойственное турецкой прессе до эпохи Р.Т. Эрдогана. Напротив, наблюдается сращивание и взаимопроникновение этих позиций [Киреев, 2017]; например, набирает популярность идейно-ценностный концепт тюркско-исламского синтеза [Цибенко, 2022, с. 137], продвигаемый рядом проправительственных изданий, в частности газетой «Milliyet». На практике именно таким «танDEMом» консерваторов и националистов является альянс правящих Партии справедливости и развития и Партии националистического движения.

Независимых медиа в Турции почти не осталось, в связи с чем из средств массовой информации ушел сегмент критики власти, в том числе и конструктивной: большинство газет избегает давать оценку действиям правящей элиты. Тем временем накопившееся недовольство выливается в уличную протестную активность, которую, как правило, жестко подавляет полиция. Например, митинги под лозунгами «Правительство – в отставку!», в ходе которых полиция пыталась помешать протестующим, прошли в Анкаре и Стамбуле в ноябре 2021 г. после рекордного обвала курса турецкой лиры [Митингующие в Турции ..., 2021].

Таким образом, можно констатировать, что Партия справедливости и развития пришла к власти и укрепила на политической арене во многом за счет инициированных в свое время внутренних и внешних процессов «демократизации». Однако «демократизация по-турецки», которая выражается, в частности, в ограничении влияния военных и продвижении прав религиозной части населения, в реальности ведет к консерватизации и планомерной исламизации страны [Аватков, 2012, с. 7–8].

История циклична, и современная правящая турецкая элита по сути проводит контрреформы по отношению к преобразовани-

ям М.К. Ататюрка, возвращая страну к эпохе поздней Османской империи в соответствии с «неоосманским» курсом Р.Т. Эрдогана по восстановлению былого имперского могущества Турции. То, что первый президент Турецкой Республики М.К. Ататюрк ранее запрещал, трактуя как антипрогрессивное, теперь разрешается под предлогом того, что запреты – недемократичны сами по себе. Как правило, «демократичным» в нынешней в Турции стало считаться то, что способствует укреплению позиций правящей элиты.

Согласно ст. 2 действующей Конституции Турецкой Республики от 1982 г., современная Турция является демократическим, светским, социальным и правовым государством [Türkiye Cumhuriyeti ..., 1982]. Но в действительности сегодняшняя Турция – консервативное умеренно-исламское государство. Она сохранила светские институты, но некоторые из них утратили прежнюю значимость.

Так, в частности, произошло с парламентом – Великим национальным собранием Турции (ВНСТ). До принятия конституционных поправок 2017 г. Турция была парламентской республикой, сейчас формально является президентской: во главе страны находится избранный народом президент – Р.Т. Эрдоган, – который постепенно сосредоточивает в своих руках все больше властных полномочий [Ирхин, 2019, с. 54]. Р.Т. Эрдоган исполняет обязанности президента уже восемь лет и теоретически имеет возможность быть переизбранным и оставаться у власти до 2028 г. Сегодня подобная перспектива со всей очевидностью актуализирует вопрос о сменяемости власти в Турции и о будущем турецкой политической системы в целом.

Тем не менее с точки зрения политического представительства турецкая система выглядит достаточно демократичной. В парламенте представлены 14 партий, и каждая из 5 наиболее крупных партий имеет более 30 мест. Таким образом, большая часть социально-классовых субъектов имеет в ВНСТ своих представителей. Кроме того, из 580 депутатов парламента 101 – женщины [27. dönem ..., 2022], что свидетельствует о том, что в Турции принят более прогрессивный подход к участию женщин в политическом

процессе, чем в других восточных странах, где подобное гендерное распределение исключено в принципе.

Стоит отметить, что современная ПСР, занимающая большинство мест в парламенте, существенно отличается от партии, пришедшей к власти в начале XXI столетия. В начале своего пути ПСР состояла из социально-классовых ячеек консервативного толка, которые объединились с единственной целью – ограничить власть военных; в остальном же их политические цели значительно расходились.

В настоящее время практически все политические «тяжеловесы», начавшие свой путь вместе с Р.Т. Эрдоганом, имеют собственные партии. Так, А. Давутоглу, который в разное время занимал посты министра иностранных дел и премьер-министра страны, основал Партию будущего – новую партию, во многом альтернативную ПСР, ориентированную на Запад, но при этом продвигающую умеренно-исламскую повестку.

Авторитетный экономист А. Бабаджан создал Партию демократии и прорыва, само название которой говорит о ее либерально-демократической направленности. В программе партии указывается на необходимость построения демократического общества и государства, а также говорится о необходимости решить «курдскую проблему» при соблюдении демократических прав и свобод граждан [Demokrasi ve Atılım ..., 2020].

Однако, несмотря на формально существующий в Турции политический плюрализм, центром политической системы остается одна правящая Партия справедливости и развития, которая вот уже 20 лет находится у власти. Оппозиция постепенно слабеет: несмотря на то что в 2019 г. на местных выборах в двух крупнейших провинциях страны – Анкаре и Стамбуле – победили кандидаты от оппозиционной Народно-республиканской партии, на более высоком уровне бросить вызов ПСР – достаточно сложная задача для любой политической силы страны.

В последнее время оппозиционные партии вынуждены создавать коалиции для получения мест в парламенте или – нередко – обращаться за поддержкой к внешним игрокам, в частности к США, которые активно работают с оппозиционными структурами

своих зарубежных партнеров. Без этого вес оппозиционных партий на внутривнутриполитической арене Турции весьма невелик.

За время нахождения у власти Партии справедливости и развития Турецкая Республика из страны, стремящейся к либерально-демократическим прозападным ценностям, превратилась в консервативное государство, ориентированное на продвижение своих национальных интересов, с формально присутствующими элементами демократии. Идеино-ценностные факторы и приоритет собственных интересов стали важнее западных институтов и идеалов. Сегодняшняя Турция как никогда лидероцентрична: ее президент Р.Т. Эрдоган, опытный политик и популист, пропагандирует умеренный исламизм и национализм, преподнося их в качестве своеобразных форм демократии.

В настоящее время «демократический процесс» в Турции осуществляется через планомерную исламизацию других общественно-политических процессов и преимущественно удовлетворяет интересы консерваторов, которые находятся у власти. Таким образом, «демократическим» в Турции считается все, что не противоречит взглядам правящей элиты.

Однако турецкое общество развивается циклично: за периодом консерватизма вполне может последовать очередная «прозападная» эпоха. Если к власти придет, к примеру, ориентированная на США Народно-республиканская партия, то нынешний курс может смениться диаметрально противоположным – на этот раз соответствующим воззрениям светской и прозападной части населения.

Вопрос в том – когда ждать очередного кардинального «поворота», который в среднесрочной перспективе может произойти лишь при смене нынешнего главы государства и его команды на сторонников другой идеино-ценностной парадигмы. Несмотря на то что сегодня ПСР занимает в политической системе страны господствующие позиции, в современной Турции сохраняется шанс прихода к власти разномыслящих коалиционных групп – предста-

вителей разных социально-классовых субъектов, которые со временем смогут представить системе нового лидера.

Но возможен и другой вариант: не исключено, что действующий президент Р.Т. Эрдоган сможет сформировать институт преемственности власти и передаст власть в стране своему кандидату. В этом случае преемник вряд ли отступит от консервативной модели «демократии», которую его предшественник выстроил за долгие годы.

Все это в очередной раз подтверждает существующие представления о том, что определение демократии в современном мире в принципе весьма расплывчато. И особенно отчетливо «расплывчатый» характер демократии проявляется при попытках запустить процессы демократических преобразований в восточных обществах, к которым по-прежнему относится Турция, несмотря на свои трансформации.

Мир «коллективного Запада», который на протяжении многих лет стремился «экспортировать» демократию и универсализировать либерально-демократические ценности, близится к своему логическому завершению. Насколько приживется там демократия – вопрос дискуссионный, но, принимая во внимание опыт современной Турецкой Республики, вполне можно утверждать, что демократия в чистом виде – утопический идеал, которого Турция не смогла достичь даже во времена своего наиболее «прозападного» политического курса.

Литература/References

Аватков В.А. (2012). Турецкая демократизация в 1990-е – ключ к сегодняшней исламизации Турции // Ближний Восток и современность. – Москва. – № 45. – С. 1–8 [Avatkov V.A. (2012). Turkish democratization in the 1990s – the key to today's Islamization of Turkey [*Turetskaya demokratizatsiya v 1990-e – klyuch k segodnyashnei islamizatsii Turtsii*] // Middle East and modernity. – Issue 45. – P. 1–8] (In Russian).

Ирхин А.А. (2019). Внешняя политика руководства Партии справедливости и развития Турции и геополитические интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского : Философия. Политология. Культурология. – Симферополь. – Т. 5 (71), № 3. – С. 51–62 [Irkhin A.A. (2019). Foreign policy of the leadership of the Justice and Development Party of Turkey and the geopolitical interests of

Russia [Vneshnyaya politika rukovodstva Partii spravedlivosti i razvitiya Turtsii i geopoliticheskie interesy Rossii] // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean federal univ. : Philosophy. Political science. Cultural studies. – Simferopol. – Vol. 5 (71), Issue 3. – P. 51–62] (In Russian).

История военных переворотов в Турции. (2016) // ТАСС. – Москва. – 16.07. – URL: <https://tass.ru/info/3459817> (дата обращения: 12.11.2022) [The history of military coups in Turkey [Istoriya voennykh perevorotov v Turtsii]. (2016) // TASS. – Moscow. – 16.07. – URL: <https://tass.ru/info/3459817> (date of access: 10.11.2022)] (In Russian).

История Востока. (2006) / ИВ РАН. – Москва. – Т. 5. Восток в новейшее время : 1914–1945 гг. / отв. ред. Р.Г. Ланда. – 718 с. [The history of the East [Istoriya Vostoka]. (2006) / IOS RAS. – Moscow. – Vol. 5. The East in modern times : 1914–1945 [Vostok v noveishee vremya : 1914–1945 gg.] / R.G. Landa (Ed.). – 718 p.] (In Russian).

Киреев Н.Г. (2017). Очерки политического ислама в Турции / ИВ РАН. – Москва. – 368 с. [Kireev N.G. (2017). Essays on political Islam in Turkey [Ocherki politicheskogo islama v Turtsii] / IOS RAS. – Moscow. – 368 p.] (In Russian).

«Кувалда» сломалась : в Турции более 300 военных приговорили за попытку госпереворота. (2012) // Lenta.ru. – Москва. – 24.09. – URL: <https://lenta.ru/articles/2012/09/24/coup/> (дата обращения: 12.11.2022) [The sledgehammer broke : in Turkey, more than 300 soldiers were sentenced for an attempted coup [«Kuvalda» slomalas' : v Turtsii bolee 300 voennykh prigovorili za popytku gosperevorota]. (2012) // Lenta.ru. – Moscow. – 24.09. – URL: <https://lenta.ru/articles/2012/09/24/coup/> (date of access: 10.11.2022)] (In Russian).

Митингующие в Турции потребовали отставки властей после обвала курса лиры. (2021) // РБК. – Москва. – 24.11. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/11/2021/619d585b9a794758f66c638e> (дата обращения: 12.11.2022) [Protesters in Turkey demanded the resignation of the authorities after the collapse of the lira [Mitinguyushchie v Turtsii potrebovali otstavki vlastei posle obvala kursa liry]. (2021) // RBC. – Moscow. – 24.11. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/11/2021/619d585b9a794758f66c638e> (date of access: 10.11.2022)] (In Russian).

Цибенко В.В. (2022). Конструирование идеологического дискурса о воображаемой географии в Турции // Международная аналитика. – Москва. – № 13 (3). – С. 130–144 [Tsibenko V.V. (2022). Constructing an ideological discourse of imaginative geography in Turkey [Konstruirovaniye ideologicheskogo diskursa o voobrazhaemoi geografii v Turtsii] // J. of international analytics. – Issue 13 (3). – P. 130–144] (In Russian).

Эрдоган назвал угрозу для демократии. (2021) // РИА Новости. – Москва. – 11.12. – URL: <https://ria.ru/20211211/erdogan-1763297402.html> (дата обращения: 12.11.2022) [*Erdogan called a threat to democracy [Erdogan nazval ugrozu dlya demokratii]*]. (2021) // RIA Novosti. – Moscow. – 11.12. – URL: <https://ria.ru/20211211/erdogan-1763297402.html> (date of access: 10.11.2022)] (In Russian).

Эрдоган предложил вынести на референдум вопрос ношения хиджаба. (2022) // Lenta.ru. – Москва. – 22.10. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/22/hijab/> (дата обращения: 12.11.2022) [*Erdogan proposed to put the issue of wearing the hijab to a referendum [Erdogan predlozhit vynesti na referendum vopros nosheniya khidzhaba]*]. (2022) // Lenta.ru. – Moscow. – 22.10. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/10/22/hijab/> (date of access: 10.11.2022)] (In Russian).

Эрдоган раскритиковал решение КС о прекращении блокировки Twitter. (2014) // РАПСИ. – Москва. – 04.04. – URL: https://rapsinews.ru/international_news/20140404/271080074.html (дата обращения: 12.11.2022) [*Erdogan criticized the decision of the Constitutional Court to stop blocking Twitter [Erdogan raskritikoval reshenie KS o prekrashchenii blokirovki Twitter]*]. (2014) // RAPSİ. – Moscow. – 04.04. – URL: https://rapsinews.ru/international_news/20140404/271080074.html (date of access: 10.11.2022)] (In Russian).

27. dönem milletvekilleri sandalye dağılımı. (2022) / Türkiye Büyük Millet Meclisi. – Ankara. – URL: <https://www.tbmm.gov.tr/sandalyedagilimi> (date of access: 10.11.2022).

Alp S. (2021). 2021 Dünya Demokrasi Endeksi yayımlandı : Türkiye 103. sırada // Medyascope. – İstanbul. – 10.12. – URL: <https://medyascope.tv/2022/02/10/2021-dunya-demokrasi-endeksi-yayimladi-turkiye-103-sirada/> (date of access: 10.11.2022).

Altındağ N. (2020). Türkiye'nin PKK bölücü terör örgütü ile mücadelesine dair bir analiz // Anadolu strateji dergisi. – Ankara. – N 2 (1). – S. 33–47.

Balta E., Ete H. (2022). Türkiye'de demokrasi, güvenlik, devlet algısı / Ankara Enstitüsü ; İstanbul Politikalar Merkezi. – Ankara ; İstanbul. – 44 s. – URL: <https://ipc.sabanciuniv.edu/Content/Images/CKeditorImages/20220316-21033270.pdf> (date of access: 10.11.2022).

Cumhurbaşkanı Erdoğan : gerçekleştirdiğimiz Demokrasi ve kalkınma devrimleriyle Türkiye dünyanın en üst ligine yükseldi. (2022) // Anadolu Ajansı. – Ankara. – 02.09. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/cumhurbaskani-erdogan-gerceklestirdigimiz-demokrasi-ve-kalkinma-devrimleriyle-turkiye-dunyanin-en-ust-ligine-yukseldi/2675521> (date of access: 10.11.2022).

Democracy index 2021 : the China challenge. (2022) / Economist Intelligence. - London. - 85 p. - URL: <https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/eiu-democracy-index-2021.pdf> (date of access: 10.11.2022).

Demokrasi ve Atılım Partisi program. (2020) / Demokrasi ve Atılım Partisi. - Ankara. - URL: <https://devapartisi.org/temel-metinler/parti-programi> (date of access: 10.11.2022).

Kemahloğlu Ö., Keyman F. (2011). Türkiye’de demokrasi algısı / İstanbul Politikalar Merkezi. - İstanbul. - 22 s. - URL: <https://ipc.sabanciuniv.edu/Content/Images/CKeditorImages/20200330-00033102.pdf> (date of access: 10.11.2022).

Man who depicted Erdoğan as Gollum given suspended sentence. (2016) // The Guardian. - London. - 23.06. - URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/23/rifat-cetin-erdogan-gollum-suspended-sentence-turkey> (date of access: 10.11.2022).

Türk dış politikası. (2013) / Dayıoğlu A., Oran B., Ata F.K., Uzgel İ., Özersay K., Çelikpala M., Sancar M., Aydın M., Yeşilyurt N., Akgönül S., Baykal S., Gürsel S., Arat T., Ünsal Ü. - İstanbul : İletişim Yayınları. - Cilt 3 : 2001-2012. - 886 s.

Türkiye Cumhuriyeti Anayasası. (1982) / Türkiye Büyük Millet Meclisi. - Ankara. - 251 s. - URL: https://www.tbmm.gov.tr/yayinlar/2021/TC_Anayasasi_ve_TBMM_Ic_Tuzugu.pdf (date of access: 10.11.2022).

DOI: 10.31249/ape/2023.01.12

Avatkov V.A.¹, Sbitneva A.I.²
**Turkey in the modern world:
between democracy and authoritarianism**

Abstract. *The article examines the evolution of democratic processes in the Republic of Turkey. The authors consider the development of Turkish democracy, which has undergone significant changes in the process of its formation. After the death of M.K. Atatürk, who pursued a course of Westernization of Turkish society, Turkey began the transition from an illiberal model of democracy to a classical Western one, which was expressed through the integration of the Republic of Turkey into Western institutions and the formation of*

¹ *Avatkov Vladimir Alekseevich* – Sc.D. in Political Sciences, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East INION RAS (v.avatkov@gmail.com).

² *Sbitneva Alina Igorevna* – Researcher INION RAS (a_sbitneva@mail.ru).

similar ones on its territory. At the same time, democratic processes were often combined with undemocratic actions. For example, the military, historically guarding the secular nature of the state, began to be removed from political processes. The coming to power of the Justice and Development Party, and then R.T. Erdogan strengthened the trend towards the centralization of power, the formation of a leader-centric system and the systematic Islamization and conservatism of Turkish politics.

Based on data from Turkish and international studies, the authors come to the conclusion that democracy as such is a «vague» concept, and the modern Republic of Turkey occupies an intermediate position between an imperfect democracy and an authoritarian state. An attempt to democratize socio-political processes in Turkey led to the opposite result: after the country transformed key «democratic» institutions to suit its own needs, an Islamist-conservative model of «democracy» has developed here, the ideals of which are shared only by the most religious and nationalist-minded part of Turkish society.

Keywords: Turkey, Justice and Development Party, R.T. Erdogan, democracy, conservatism, Islamism, authoritarianism.

Статья поступила в редакцию (Received) 10.11.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 12.12.2022.

Принята к публикации (Accepted) 23.12.2023